

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 821.161.1-192(Высоцкий В. С.)+811.161.1'42
ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8.45+Ш105.51

ГРНТИ 16.01.11; 16.21.33

Код ВАК 5.9.5

Наталья Юрьевна Темникова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия,
temnatasha@mail.ru, SPIN-код: 4190-2602

Дискурс власти в жанровых песнях-сценках В. С. Высоцкого 1960–1970-х гг.

АННОТАЦИЯ. В статье на материале жанровых песен-сценок В. С. Высоцкого 1960–1970-х гг. рассматривается проявление в языке повседневности властных общественных отношений. На основе дискурсивного подхода к анализу не во всем грамотной устной речи, изображаемой Высоцким, выясняется, что автор выходит за пределы упрощенных слоганов о политической власти как регуляторе сознания и поведения и в коротком, внешне незатейливом тексте увязывает обыденную коммуникацию с разнообразными способами реализации говорящим собственных корыстных целей, обнажая перед читателем встроенные в язык тонкие и всеобъемлющие механизмы власти.

Словарь, интеракция и семиотические практики низового советского дискурса в изображении Высоцкого вскрывают иерархичность социальных отношений: закрепленность права высказывания от имени власти за обезличенным коллективным субъектом («человеком-массой», по Ортеге-и-Гассету), а не индивидуумом, представителями титульной нации, а не национального меньшинства, условным «простым народом», а не интеллигенцией. Высоцкий обращается к известной формуле «диктатура пролетариата», привычно используемой в речи как публицистический штамп, и актуализирует ееочно забытое прямое (буквальное) значение.

Стихия иронии, пронизывающая тексты песен-сценок, «плутовство с языком» (Р. Барт) имеют у Высоцкого не только эстетическую, но и философскую значимость, становятся орудием мысли. С их помощью показан тотальный абсурд, пропитавший советское бытие, а также выражено отношение автора к мейнстриму советских речевых практик, скрывающих за пустословием и фразерством истинное, не внушающее оптимизма положение вещей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская поэзия, русские поэты, поэтическое творчество, поэтические жанры, поэтические образы, В. С. Высоцкий, политический дискурс, дискурс власти, криминальный жаргон, директивные речевые акты, стратегия подавления, свой — чужой, архетипы, советский человек, дискурс-анализ, поэтические тексты, песни-сценки, общественные отношения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Темникова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева; 443086, Россия, Самара, 34; email: temnatasha@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Темникова, Н. Ю. Дискурс власти в жанровых песнях-сценках В. С. Высоцкого 1960–1970-х гг. / Н. Ю. Темникова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 254-260.

Natal'ya Yu. Temnikova

Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Samara, Russia, temnatasha@mail.ru, SPIN code: 4190-2602

The Discourse of Power in V.S. Vysotsky's Musical Skits of the 1960s and 1970s

ABSTRACT. The article examines the manifestation of social power relations in everyday language based on the material of genre musical skits by V.S. Vysotsky in the 1960s and 1970s. As a result of a detailed discourse analysis of Vysotsky's oral speech characterized by frequent deviations from the literary norm, it is shown that the author goes beyond simplistic slogans about political power as a regulator of consciousness and behavior and, in a short, seemingly simple text, links everyday communication with various ways of the speaker's realization of his own selfish goals, exposing to the reader the subtle and comprehensive mechanisms of power embedded in language.

The vocabulary, interaction, and semiotic practices of the grassroots Soviet discourse in Vysotsky's poetic art discover the hierarchy of social relationships: the belonging of the right to speak on behalf of power to an impersonal collective subject rather than an individual, to representatives of a titular nation rather than a national minority, to conditional "common people" rather than intelligentsia. Vysotsky seems to be referring to the well-known formula "dictatorship of the proletariat", which is habitually used in speech as a journalistic cliché, and actualizes its well forgotten direct (literal) meaning.

The riot of irony that permeates the lyrics of the musical skits, and "cheating with language" (R. Barth) have not only aesthetic, but also philosophical significance for Vysotsky; they become a tool for thought. They help demonstrate the total absurdity of Soviet existence and express the author's attitude to the mainstream Soviet speech practices, hiding the true, not encouraging state of affairs behind empty words and pompous phraseology.

KEYWORDS: Russian poetry, Russian poets, poetic creative activity, poetic genres, poetic images, V.S. Vysotsky, political discourse, discourse of power, criminal slang, directive speech acts, strategy of suppression, own – alien, archetypes, Soviet person, discourse analysis, poetic texts, musical skits, social relations.

AUTHOR'S INFORMATION: Temnikova Natal'ya Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Mass Communication, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Samara, Russia.

FOR CITATION: Temnikova N. Yu. (2025). The Discourse of Power in V.S. Vysotsky's Musical Skits of the 1960s and 1970s. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 254–260. (In Russ.).

Высоцкий обладал, по справедливому замечанию И. Бродского, абсолютным языковым чутьем, главным объектом его изображения было слово как таковое — его «журчание, клекот, цоканье, мычание, ...звон» (так писала Майя Кучерская о другом гении русского языка, Лескове [Кучерская 2023: 15]). С помощью слова Высоцкий легко вживался в образы самых разных людей, воспроизводя, пользуясь терминологией М. М. Бахтина, различные «словесно-идеологические и социальные кругозоры», существующие внутри абстрактного единого национального языка [Бахтин 1979]. Так, в песнях-сценках 1960–1970-х гг. лирический герой нередко является «своим парнем», пролетарием или маргиналом, которые не слишком владеют языковыми нормами и не брезгуют крепким словцом. Для них характерны хамски-агрессивные интонации, они преисполнены ненависти к «чужим», отрицают всякую индивидуальность, а мораль и культуру им заменяют кодекс чести, воровской закон, «понятия». Подобный речевой типаж, для обозначения которого более всего подходит пейоратив «быдло» (о слове «быдло» см. подробнее: [Воркачев 2012]), представлен прежде всего в «блестящих» песнях, а также в «Товарищах ученых», «Диалоге у телевизора», «Письме с выставки». Однако в рамках той же игры в низкие жанры Высоцкий предстает перед нами «под маской» и совершенно иного речевого субъекта — полного эмпатии, сострадания: например, в песне «Лукоморья больше нет», где рассказчик, в духе позднего Чехова, с болью описывает мрачную атмосферу одичалого советского селения — уменьшенной в масштабе модели страны. Герой Высоцкого выражается то как типично «советский человек» с соответствующим бэкграундом (*Русский я по паспорту; А у меня антисемит на антисемите* («Не состоялось»)), то как ярый антисоветчик, мечтающий забросить ужасно далеко, куда подалее, / И лучше, если б раз — и навсегда молот — символизирующий советскую власть «собрат» серпа («Песенка метателя молота»). Но все перечисленные «словесно-идеологические и социальные кругозоры», при всем их своеобразии, безусловно, так или иначе восходят к архетипу советского обывателя, что обеспечивает языковую гомогенность соответствующих текстов.

В этом хоре голосов отчетливо выделяются такие, которые хотят «донести до нас самый дискурс власти — дискурс превосходства» [Барт 1989: 547]. Максимально наглядно это проявляется в «блестящих» песнях, герой которых, пользуясь выражением другого поэта, Н. Гумилева, «сильный, злой и веселый»: онщен рефлексии и сомнений в правильности своих поступков, его главный аргумент — кулак или нож, его единственный закон — право на насилие: *К слезам я глух и к просьбам глух — / В охоту драка мне, ох как в охоту!* («А счетчик щелкает!»). В песне «Я в деле» четко сформулирован этот закон, а также рефреном, как бандитская клятва, проходит мысль о его незыблемости: *Я в деле и со мною нож. / И в этот миг меня не трожь! / А после — я всегда иду в кабак. / ... И дальше буду делать точно так.*

Однако не только представители криминального мира у Высоцкого являются субъектами дискурса доминирования. Колхозники, работяги, анонимные алкоголики легко переходят на бюрократический язык, транслируют нарративы власти (например, о необходимости борьбы против политически враждебных сил, как в «Песне-сказке про джинна», где герой в белой горячке принимает явившуюся ему нечисть за иностранного шпиона). Высоцкий делает нас свидетелями того, как сквозь почву маргинализованной речи прорастают всевозможные лидеры, «громоздкие или крохотные административные аппараты, группы давления и подавления» [Барт 1989: 547], для которых говорить — это не вступать в коммуникацию, а подчинять себе адресата.

Выявление в низовой советской речи, изображенной в текстах песен-сценок Высоцкого, средств и способов вербализации отношений власти и подчинения является целью настоящей статьи. В своем анализе мы будем в общих чертах придерживаться методологии, предложенной Т. ван Дейком в книге «Дискурс и власть» [ван Дейк 2013]: чтобы установить корреляцию между таким абстрактным явлением, как властные общественные отношения, и довольно конкретными свойствами речи и текста, необходимо связать типичные характеристики общества (существующие в нем группы, организации и т. п.) с характеристиками дискурса: особенностями лексики и грамматики, речевых

актов и разговорных стратегий, семиотических практик.

Начнем с анализа лексико-семантического уровня дискурса. Словарь песен-сценок включает три основные группы единиц, самую значительную из которых составляют слова, употребляемые в повседневной жизни. Среди них выделяются лексемы со следующими ядерными компонентами:

— «выпивка и пьянство»: *водка, вино, портвейн, дрянь, гадость* (*А гадость пьют из экономии* (Диалог у телевизора)), *выпившая* (*после литры выпитой* (Не состоялось)), *проклятая, бензин* (*хлебал бензин...* (Диалог у телевизора)), *перегар, запой, пьянь, алкаш, кабак, пропил, недопил, подпоил, опохмелимся, усугубили* (*портвейном усугубили* (Милицейский протокол));

— «повседневные действия»: *намять, поработали, отдохнем, поешь* (*поешь — и сразу на диван* (Диалог у телевизора)), *кричишь, заначил;*

— «одежда и материал для ее производства»: *маечка, кофточка, с лавсаном материя, платьице, полуушубки;*

— «сельскохозяйственная деятельность»: *поля, лопаты, вилы, навоз; амбар, лабаз, зерно, бугай, бык;*

— «продукты жизнедеятельности и процессы распада»: *навоз, гниль, плесень, остатки; сгниет, заплесневеет;*

— «разные виды связей между людьми»: *семья, родня, шурин, кум, друзья, знакомые;*

— «еда»: *картофель, картошка, соль (сольца) и др.*

Среди глаголов особенно много разговорно-просторечных единиц: *задыхнется, волил, уважаем* (*небось картошку все мы уважаем* (Товарищи ученые)), *валяйте, временит, не сумлевайтесь, не ладится, заявимся, покумекаем, очухались, порешили, накрылась* (*накрылась премия в квартал* (Диалог у телевизора)); *не содят* (*в такси не содят* (Милицейский протокол)) и др. Отдельно укажем на вульгаризмы и единицы криминального жаргона, обозначающие насильственные действия, в том числе сексуального характера: *мordют, наколол, запорол; лапают, приставать, хватать.*

Кроме того, в песнях-сценках в изобилии встречаются просторечные фразеологизмы (*поласть в лапы, как собак нерезаных, всем кагалом, на-кость выкуси, в бога душу мать, семьсот на рыло* (*Тогда у нас было семьсот на рыло* (Милицейский протокол)), *хренали* (*Хрена ли нам Мнёвники...* (Не состоялось)) и т. д.) и обсценные языковые средства типа *сукин сын, паскуда, шалава, стерва, падла, зараза*. Специфические коннотации,

закрепленные в подобных единицах языка, были близки и понятны миллионам слушателей Высоцкого: в стране, значительная часть населения которой или сама прошла через тюрьму и лагерь, или имела близких с соответствующим опытом, криминальная идеология прочно вошла в коллективное бессознательное.

Вторая группа лексем, составляющих анализируемый словарь, — это единицы с абстрактным значением: *развраты* (*Так в столице, говорит, всякие развраты* (Два письма)), *мемуар* (*Кот диктует про татар мемуар* (Лукоморья больше нет)), *темнота некультурная, агрессия, безработица, жалобы, ратный подвиг, коллектив, семья, спортивная лестница, осознанье, просветление* и др. Примыкают сюда официальное обращение *товарищ* (*товарищи ученые*) и лексико-фразеологические единицы с социально-политическими коннотациями: *антисемит, пятая графа, вредитель, патриотизм, рядами и колоннами*, в том числе имена политических деятелей: *Голда Меир, Моше Даян*. В общей стилистике воссоздаваемой в текстах речи такие единицы часто представляют собой искусственные, иностранные элементы, что подчеркивается употреблением просторечных морфологических форм (*развраты, мемуар*), или подвергаются нарочитому стилистическому снижению: *Голду Меир я словил / В радиоприёмнике...; Моше Даян — / Стерва одноглазая* (Не состоялось); *А что мычут, так это он от волненья, / От осознанья, так сказать, и просветления* (Милицейский протокол).

Особую функцию таких слов мы, вслед за Дж. Оруэллом, определили бы как уничтожение значений. Содержание их нередко сводится к нулевому, в результате чего они превращаются в бюрократические штампы: *ратный подвиг* (*Добрый молодец он был, ратный подвиг совершил...* (Лукоморья больше нет)), *патриотизм* (*Вы можете прославиться почти на всю Европу, коль / С лопатами проявите здесь свой патриотизм* (Товарищи ученые)); *рядами и колоннами*, обращение *товарищи*. Черты советского новояза в песнях особенно заметны на общем просторечном стилистическом фоне: *Вокруг меня корреспонденты бесятся, / — Мне помогли, — им отвечаю я, — / Подняться по крутой спортивной лестнице / Мой коллектив, мой тренер и семья* (*Песенка метателя молота*); Так приезжайте, милые, / *Рядами и колоннами...* (Товарищи ученые); *Теперь позвольте пару слов без протокола: / Чему нас учит семья и школа?* (Милицейский протокол). Так на словарном уровне Высоцкий показывает

конститутивную черту советского дискурса — докучливое пустословие.

И наконец, в отдельный класс мы выделили средства, которые в лексико-грамматическом плане соотносятся со словами из предшествующей группы в силу абстрактности своей семантики, но обладают явным функциональным своеобразием. Это научные и технические термины, а также имена ученых (все примеры — из песни «Товарищи ученые», что отвечает ее проблематике): *иксы, нули, молекулы и атомы; корни; гидрим и ангидрим; гамма-излучение; гены и хромосомы; апатиты; синхрофазатроны; аффект; эйнштейны и ньютоны*. Бросается в глаза использование этих слов преимущественно во множественном числе, а написание личных имен — с маленькой буквы. Смысл этого видится в том, что все упоминаемые в тексте научные понятия и имена сродни ереси (ср.: ...вы все там химики и нет на вас креста), враждебны правильному, «истинно народному» мировоззрению, и потому, по Дж. Оруэллу, должны быть свалены в одну кучу и заклеймены совокупно как заслуживающие презрения.

Термины употребляются у Высоцкого просто как знаки «заумного языка», трудно-произносимые слова (ср. также: ...но вы же ведь там задохнетесь за *синхрофазатронами*) и десемантизируются, а в некоторых случаях приобретают двусмысличество: читатель воспринимает их в качестве эвфемизмов матерных слов, весьма характерных для соответствующего типа речи: *бросайте ваши опыты, гидрид и ангидрид*.

Очевидно, что средства научного стиля маркируются в данном словаре как идеологически вредные и подлежат речевой дискредитации, а их приверженцы, соответственно, — дискредитации социальной. Таким образом через поляризацию «своих» и «чужих», «ингрупп» и «аутгрупп», «классово близких» и «классово чуждых элементов» реализуется общая дискурсивная стратегия подавления.

Если рассматривать художественный текст как «двутекст» — одновременно и высказывание о предмете, и высказывание о самом высказывании [Вежбицкая 1978], «текст, обращенный не только к предмету, но и к авторскому слову о нем» [Лотман 1998: 434], то становится понятно, что слово в песнях-сценках Высоцкого — это не только ценный сам по себе объект изображения, но и «волшебный фонарь», который высвечивает социальные язвы современной поэту жизни: культ алкоголя (о проблеме масштабного пьянства в СССР см., например: [Клинова 2009]); культ насилия — Высоцкий

запечатлел в песнях большое разнообразие его вариантов и акторов (ср.: *Леший как-то недопил, / Лешачиху свою бил и волил...* (Лукоморья больше нет); *А он [полковник — Н. Т.] от радости всё бил по морде нас* (Зэка Васильев и Петров-зэка); *Нас каждый день мордуют уголовники, / И главный врач зовёт к себе в любовники* (Зэка Васильев и Петров-зэка); *А я парнишку наколол, / Не толковал, а запорол* (Я в деле); *Был в балете — мужики девок лапают. Не давай себя хватать, моя лапочка!* (Два письма) и т. д.). Непосредственно связана с двумя указанными формами общественного зла и дисфункция семьи: неустойчивые браки, неоформленные сожительства, одинокое материнство. Ср. в «Лукоморье...»: *А русалка — вот дела! — честь недолго берегла / И однажды, как смогла, родила; Тридцать три же мужика — не желают знать сынка: / Пусть считается пока сын полка; Как-то раз один колдун... Предложил ей, как знаток бабских струн: Мол, русалка, все пойму и с дитем тебя возьму. И пошла она к нему, как в тюрьму* (Лукоморья больше нет). Сколько людей могло (да и сейчас может) узнать в произведениях Высоцкого себя! Представляется, что именно эта способность улавливать общественные проблемы, находить нужную интонацию для разговора о них, воспроизводить механизмы коллективного сознания и стала одной из главных причин огромной народной популярности Высоцкого.

Пронизанность капиллярами власти видна и на другом уровне дискурса — на уровне высказывания. В текстах песен регулярны запреты, приказы, инструкции и т. п. формы реализации директивной прагматики. Модальность долженствования выражается в таких конструкциях различными грамматическими средствами, ср.: *Мишке там сказали «нет», / Ну а мне — «пожалуйста»* (Не состоялось); Значит так: автобусом до Сходни *доезжаем, / А там — рысцой, и не стонать!*; *Товарищи учёные, кончайте поножовщину, / Бросайте ваши опыты...: / Садитесь, вон, в полуторки, валийте к нам в Тамбовщину...* (Товарищи ученые); *Ну что «остань», всегда «остань»...* (Диалог у телевизора); Уж ты б, Зин, лучше *помолчала бы...* (Диалог у телевизора) и т. д.

И авторская речь, и речь героев в песнях изобилуют негативно-оценочными характеристиками поведения адресата, степень категоричности которых варьируется в диапазоне от снисходительной «журьбы» до оскорблений и угроз. Так, в качестве наименее категоричной формы оценки используются

предупреждения, поучения, увещевания, упреки. Эти речевые акты сопровождаются у Высоцкого специфической шутливо-фамильярной интонацией, характерной для общения взрослого с ребенком. В песне «Товарищи ученые» от имени доминирующей группы выступают колхозники, которые «учат учёных» — оторванных от жизни, а потому не приносящих практической пользы «умников». Характерными риторическими приемами здесь являются экспрессивные разговорные конструкции: например, конструкция язвительного упрека в виде комбинации частицы *небось* и местоимения *мы* в значении *вы* (*небось картошку все мы уважаем...*); драматически-эмоциональное описание нежелательного альтернативного положения дел, включающее форму глагола будущего времени с приставкой *до-* и постфиксом *-ся* (*Ох, вы там добавуетесь, ох, вы доизвле-каетесь, / Пока сгниёт-заплесневеет картофель на корню!*); моралистические изречения, проповедование банальностей (*Земле — ей всё едино: алатыры и навоз*). Кроме того, намерение говорящего самоутвердиться за счет собеседника может выражаться противопоставлением *вы* и *мы* в подчинительной конструкции: *Коль что у вас не ладится — ну, там, не тот эффект, — / Мы мигом к вам заявимся с лопатами и с вилами, / Денёчек покумекаем — и выправим дефект!*

Максимальная степень категоричности отрицательной оценки в текстах выражена в речевых актах угрозы и упрека-изобличения, причем последний часто сочетается с оскорбительной формой обращения: ...*Надрывался издаля, все твоей забавы для, / Ты ж жалеешь мне рубля, ах ты тля!* (Лукоморья больше нет), *Что же ты, зараза, бровь себе подбрала, / Ну для чего надела, падла, синий свой берет!* / *И куда ты, стерва, лыжи навострила...* (Что же ты, зараза, бровь себе подбрала); *Кто мне писал на службу жалобы? Не ты?! Когда я их читал!* (Диалог у телевизора); *Гляди, дождёшься у меня!* (Диалог у телевизора); — *Дай рубля, прибью, а то, я добытчик али кто?!* (Лукоморья больше нет); *С агрономом не гуляй — ноги выдерну* (Два письма); *Я ж тебе ноги обломаю, в бога душу мать!* (Что же ты, зараза, бровь себе подбрала).

На коммуникативном уровне, как и на уровне лексико-семантическом, мы наблюдаем поляризацию ингрупп и аутгрупп, но выраженную более дифференцированно. Так, аутгруппу, кроме «товарищей ученых», составляют, например, евреи, как в песне «Не состоялось», где абсурдистски обыграна «пятая графа» советской анкеты, из-за

которой Мишку Шифмана не выпустили в Израиль (*Мишке там сказали «нет», / Ну а мне — «пожалуйста»*). Но главной и неизменной аутгруппой в песнях Высоцкого, безусловно, являются женщины. Несмотря на то что СССР — страна победившего феминизма, советский дискурс — Высоцкий заостряет эту черту — был в высшей степени мизогинным. Сюжеты песен-сценок вполне могли бы называться по-чеховски «Истории полового авторитета»: архетипический образ мужчины здесь несет печать токсичной маскулинности, он сочетает в себе черты пьяницы и бездельника с чертами домостроевского тирана: *И пошла она к нему, как в тюрьму* (Лукоморья больше нет); *Ты приснился мне во сне пьяный, злой, угрюмый* (Два письма); *А ты придёшь домой, Иван, / Поешь — и сразу на диван, / Иль, вон, кричишь, когда не пьян...* (Диалог у телевизора). Архетип женщины отражает идею порочности и никчемности женского племени (*А дома в шубке на рыбьем меху / Мне она подготовит сюрприз: / Пока я был на самом верху, / Она с кем-то спустилася вниз...* (Песенка прыгуна в высоту); *А русалка — вот дела! — честь недолго берегла* (Лукоморья больше нет); *А у тебя подруги, Зин, / Все вяжут шапочки для зим, / От ихних скучных образин / Дуреешь, Зин* (Диалог у телевизора), в связи с чем женщина становится легальной мишенью для претензий, которые могут быть предъявлены ей как за ее собственное поведение, недостойное жены и матери (*Сама намазана, прокурена...* (Диалог у телевизора)), так и за поведение друзей (*Приятель был с завода шин, / Так тот — вообще хлебал бензин...* (Диалог у телевизора)), за внешность (... эту майку, Зин, / *Тебе напяль — позор один. / Тебе шитья пойдёт аршин...* (Диалог у телевизора); *Ведь ты мне можешь надоесть с полушибками, / В сером платьице с узорами блёклыми* (Два письма)) и за духовно-нравственный облик (*Но ты, конечно, не поймёшь там, за печкою, / Потому ты темнота некультурная* (Два письма)) и т. д.

Наряду с различными способами демонстрации власти дискурс доминирования включает и демонстрацию подчинения — например, вербализованное чувство «совершенного проступка» [Барт 1989: 547], вины и стыда. Оно находит выражение в речевых актах извинения и самооправдания, причем оправдываются герои не только за социально осуждаемое поведение, например пьянство или супружескую измену (*Ну, и меня, конечно, Зин, / Всё время тянет в магазин, / А там — друзья... Ведь я же, Зин, / Не пью один!* (Диалог у телевизора)),

Считай по-нашему, мы выпили немного (Милицейский протокол), С агрономом я прошлась... Только ты не думай — / Говорили мы весь час только про тебя (Два письма)), но и за собственную индивидуальность, не похожесть на другого: У кого толчковая — левая, / А у меня толчковая — правая! (Песенка прыгуна в высоту).

Таким образом, Высоцкий показывает, как на коммуникативно-прагматическом уровне в низовой речи обнаруживают себя имманентные свойства дискурса власти — иерархичность и патриархальность. Мы видим склонность дискурса к выстраиванию иерархий, которая проявляется в том, что одни субъекты обладают преимущественным коммуникативным правом по сравнению с другими и широко используют стратегию речевого подавления, прибегая к директивной модальности. В структуре советского социума право высказываться от имени власти принадлежит обезличенному коллективному субъекту, а не индивидууму; представителям титульной нации, а не национального меньшинства; условному «простому народу», а не интеллигенции: последняя выступает в роли ребенка, который нуждается в правильном воспитании и наставлении на путь истинный. Главный носитель авторитета в социуме — мужчина. А поскольку он всегда находится в конфликте с внешним миром, и конфликт этот не может выплыть в форму внутренней рефлексии, наиболее досягаемым предметом вовне для реализации мужского превосходства становится женщина, коммуникация с которой осуществляется главным образом в форме адресуемых ей упреков, оскорблений и угроз.

Рассмотрев пути реализации в песнях-сценках Высоцкого 1960–1970-х гг. семантической оппозиции «власть — подчинение», мы можем сделать некоторые выводы. Речевая маска «человека из народа», «человека-массы» (Ортега-и-Гассет), которую использует Высоцкий, воспроизведимая им не во всем грамотная устная речь — способ сформулировать идеи, на эмпирическом уровне близкие многим, тем не менее трудно облекаемые в слова. В частности, способ сделать осозаемым содержание известной формулы «диктатура пролетариата», привычно используемой в речи как публицистический штамп. В воссоздаваемом дискурсе эта формула реализуется на уровне иллокуций в высокой регулярности директивных речевых актов, а также актов извинения и самооправдания; трансформации обращения как значимого компонента диалогической речи в оскорбление. На уровне словаря

и грамматики — в явном перевесе слов с конкретно-бытовым значением над единицами абстрактными; десемантизации лексики, относящейся к интеллектуальной сфере; использовании обсценных средств в синтаксической функции вокатива. Коммуникация предстает, таким образом, как отношения полного «отчуждения» и тотальной зависимости одного субъекта речи от другого, что имплицитно выражает идею несостоятельности диалога и даже его невозможности в данном виде дискурса. Имитация диалога в таких песнях, как «Диалог у телевизора» или «Два письма», является риторическим приемом антифразиса и лишь саркастически усиливает указанный смысл.

Творя язык своих героев, Высоцкий использует прием смешения разных стилевых пластов: канцеляризмы и средства, присущие бюрократическому языку, свободно сочетающиеся с вульгаризмами и единицами криминального жаргона. Так изображается тотальный абсурд, пропитавший советское бытие, а кроме того, выражается авторское отношение к мейнстриму советских речевых практик, скрывающих за пустословием и фразерством истинное, не внушающее оптимизма положение вещей. Таким образом, очевидно, что, несмотря на низкий предмет изображения, песни-сценки пронизаны этикой и моралью.

Тексты песен-сценок построены на «лучавом притворстве, когда человек прикидывается простаком, не знающим того, что он знает» [Потебня 2003: 295]. Они неотделимы от стихии иронии и юмора, позволяющей автору воплотить в коротких, внешне незамысловатых текстах свои размышления об эпохе, о власти и обществе, о культуре и языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с. — Текст : непосредственный.
- Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : [б. и.], 1979. — С. 281–307. — Текст : непосредственный.
- Вежбицкая, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицкая. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. — Москва : Прогресс, 1978. — С. 402–425.
- Воркачев, С. Г. «Быдло» как ключевое слово runeta / С. Г. Воркачев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 3 (41). — С. 16–26.
- Гранева, И. Ю. О референтном и нереферентном употреблении местоимения мы / И. Ю. Гранева. — Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2008. — № 4. — С. 206–209.
- Ван Дейк, Т. Дискурс и власть: презентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. / Т. ван Дейк. — Москва : ЛиброКом, 2013. — 344 с. — Текст : непосредственный.
- Иванов, Д. В. Проблемы профилактики семейно-бытового насилия и подростковой преступности в Ленинграде.

- де и области в начале 1960–1990-х гг. / Д. В. Иванов. — Текст : электронный // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-profilaktiki-semeyno-bytovogo-nasiliya-i-podrostkovooy-prestupnosti-v-leningrade-i-oblasti-v-nachale-1960-1990-h-gg>.
8. Канчани, П. Оппозиция «свои — чужие» как pragматическая доминанта политического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Канчани П. — Москва, 2007. — 24 с. — Текст : непосредственный.
9. Клинова, М. А. Современная отечественная историография потребления алкоголя жителями СССР (1940-е — конец 1980-х гг.) / М. А. Клинова. — Текст : электронный // Омский научный вестник. — 2009. — № 2 (76). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoy-otechestvennaya-istoriografiya-potrebleniya-alkogolya-zhitelyami-sssr-1940-e-konets-1980-h-gg>.
10. Кучерская, М. Лесков: прозванный гений / М. Кучерская. — Москва : Вимбо, 2023. — Текст : непосредственный.
11. Лотман, Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман. — Текст : непосредственный // Об искусстве. Структура текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики: статьи, заметки, выступления (1962–1993) / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1998. — С. 423–436.
12. Потебня, А. А. Из записок по теории словесности / А. А. Потебня. — Текст : непосредственный // Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. — 2-е изд., испр. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Москва : Академия, 2003.
13. Сафарова, Т. В. Жанровое своеобразие песенного творчества В. Высоцкого : дис. ... канд. филол. наук / Сафарова Т. В. — Нерюнгри, 2002. — URL: <https://worlds-vv.albumplayer.ru/static/upload/Safarova-diss.pdf>. — Текст : электронный.
14. Серебрякова, Е. Г. Шестидесятники и власть: от диалога к монологу / Е. Г. Серебрякова. — Текст : электронный // Вестник Удмуртского университета. — 2012. — Вып. 4. — С. 47–54. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shestidesyatniki-i-vlast-ot-dialoga-k-monologu>.
15. Хурматуллин, А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике / А. К. Хурматуллин. — Текст : электронный // Ученые записки Казанского государственного университета. — 2009. — Т. 151, кн. 6. — С. 31–37. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiye-diskursa-v-sovremennoy-lingvistike>.
- REFERENCES**
1. Bart, R. (1989). *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics] (Transl. from French, compiled, general editorship and introduction by G. K. Kosikov). Moscow: Progress, 616 p. (In Russ.)
 2. Bakhtin, M.M. (1979). Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh. Opty filosofskogo analiza [The Problem of Text in Linguistics, Philology and Other Humanities. An Attempt at Philosophical Analysis]. In M.M. Bakhtin, *Estetika slovesnogo tvorchestva* (pp. 281–307). Moscow. (In Russ.)
 3. Vezhbitskaya, A. (1978). Metatekst v tekste [Metatext in the Text]. In *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* (Iss. 8, pp. 402–425). Moscow: Progress. (In Russ.)
 4. Vorkachev, S.G. (2012). «Bydlo» kak klyuchevoye slovo runeta [“Bydlo” as Runet key word]. *Political Linguistics*, 3(41), 16–26. (In Russ.)
 5. Graneva, I.Yu. (2008). O referentnom i nereferentnom upotreblenii mestoimeniya *my* [On the referential and non-referential use of the pronoun *we*]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 4, 206–209. (In Russ.)
 6. Van Dijk, T. (2013). *Diskurs i vlast': Repräsentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication] (Transl. from Engl.). Moscow: Librokom, 344 p. (In Russ.)
 7. Ivanov, D.V. (2020). Problemy profilaktiki semeyno-bytovogo nasiliya i podrostkovoy prestupnosti v Leningrade i oblasti v nachale 1960—1990-kh gg. [Problems of Prevention of Domestic Violence and Juvenile Delinquency in Leningrad and the Region in the Early 1960s–1990s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 7. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-profilaktiki-semeyno-bytovogo-nasiliya-i-podrostkovovooy-prestupnosti-v-leiningrade-i-oblasti-v-nachale-1960-1990-h-gg> (In Russ.)
 8. Kanchani, P. (2007). *Oppozitsiya «svoi — chuzhiye» kak pragmaticheskaya dominanta politicheskogo diskursa* [The opposition “us — them” as a pragmatic dominant of political discourse] [Author’s abstract. of Diss. of Cand. of Philological Sciences]. Moscow, 24 p. (In Russ.)
 9. Klinova, M.A. (2009). Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya potrebleniya alkogolya zhitelyami SSSR (1940-e — konets 1980-kh gg.) [Modern domestic historiography of alcohol consumption by residents of the USSR (1940s - late 1980s)]. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2(76). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-otechestvennaya-istoriografiya-potrebleniya-alkogolya-zhitelyami-sssr-1940-e-konets-1980-h-gg> (In Russ.)
 10. Kucherskaya, M. (2023). *Leskov: Prozevanny geniy* [Leskov: The Missed Genius]. Moscow: Vimb. (In Russ.)
 11. Lotman, Yu.M. (1998). Tekst v tekste [Text in the text]. In Yu.M. Lotman, *Ob iskusstve. Struktura teksta. Semiotika kino i problemy kinoestetiki: stat'i, zametki, vystupleniya (1962–1993)* (pp. 423–436). St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. (In Russ.)
 12. Potebnya, A.A. (2003). Iz zapisok po teorii slovesnosti [From notes on the theory of literature]. In A.A. Potebnya, *Teoreticheskaya poetika* (2nd ed., corr.). St. Petersburg: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, Moscow: Akademiya. (In Russ.)
 13. Safarova, T.V. (2002). *Zhanrovoye svoyeobraziye pesennogo tvorchestva V. Vysotskogo* [Genre originality of V. Vysotsky's song creativity] [Dis. of Cand. of Philological Sciences]. Neryungri. Retrieved from <https://worlds-vv.albumplayer.ru/static/upload/Safarova-diss.pdf> (In Russ.)
 14. Serebryakova, E.G. (2012). Shestidesyatniki i vlast': ot dialoga k monologu [The sixties and power: from dialogue to monologue]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 4, 47–54. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/shestidesyatniki-i-vlast-ot-dialoga-k-monologu> (In Russ.)
 15. Khurmatullin, A.K. (2009). Ponyatiye diskursa v sovremennoy lingvistike [The concept of discourse in modern linguistics]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 151(6), 31–37. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiye-diskursa-v-sovremennoy-lingvistike> (In Russ.)